

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.122:343:14
ББК 67.411

© 2020 г. Россинский Сергей Борисович,

профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) доктор юридических наук, доцент.
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

ПОТЕРПЕВШИЙ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА

В настоящей статье рассматриваются проблемы нормативно-правового регулирования потерпевшего как субъекта уголовного судопроизводства, существование которого обусловлено правом на доступ к правосудию и необходимостью реализации правомочий по участию в уголовном преследовании. В этой связи рассматриваются сходства и различия потерпевшего со свидетелем и гражданским истцом и анализируются трудности, возникающие в судебной и следственной практике.

Ключевые слова: гражданский истец, потерпевший, права потерпевшего, право на доступ к правосудию, свидетель, уголовное преследование, участники уголовного судопроизводства, функция обвинения.

Rossinsky Sergey Borisovich – Professor, the Department of Criminal Procedure Law, the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Doctor of Law, Associate Professor.

VICTIM: CHALLENGES CRIMINAL PROCEDURAL STATUS

The author analyzes the legal problems of the participation of the victim in a criminal case. This subject is required to hold rights to justice and the powers to participate in criminal prosecution. Therefore, the author considers the similarities and differences of the victim with the witness and civil plaintiff. The author also analyzes the difficulties encountered in judicial and investigative practice.

Keywords: civil plaintiff, victim, rights of the victim, hold rights to justice, witness, criminal prosecution, participants in criminal proceedings, charge function.

Среди всех доктринальных, нормативно-правовых и прикладных проблем, традиционно присущих положению различных участников предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу, особое место занимают вопросы, связанные с процессуальным предназначением и статусом потерпевшего как лица, которому преступлением был причинен определенный вред. Потерпевший – одна из самых неоднозначных и противоречивых «фигур» российского уголовного судопроизводства, что порождает сложности в законодательной регламентации соответствующих правоотношений и, в конце концов, приводит к большим затруднениям в повседневной правоприменительной практике. И в этой связи проблемы участия потерпевшего в уголовном процессе уже много лет не теряют своей актуальности, привлекают внимание специалистов, являлась предметом большого числа научных дискуссий. Тем более что заложенные в действующий УПК РФ принципиально новые подходы к сущности данного субъекта, выражен-

ные в возможности признания потерпевшими как физических, так и юридических лиц, объективно определяют необходимость пересмотра ряда достаточно устоявшихся теоретических постулатов и практических рекомендаций, заставляя ученых вновь и вновь обращаться к указанным вопросам.

Вообще потерпевший – это один из традиционных участников уголовного судопроизводства. Первые попытки законодателя легализовать и формализовать его процессуальный статус были предприняты в Уставе уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 г., где содержались отдельные нормы, предусматривающие еще до конца не систематизированные, но тем не менее уже четко регламентированные правомочия «лиц, потерпевших от преступления или проступка» (ст. 6 Устава), так называемых «обиженных» (ст. 16 Устава) либо «частных лиц, потерпевших вред и убытки» (ст. 42 Устава). Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. уже более детально определял положение потерпевшего, включая его в катего-

рию «стороны» (п. 6 ст. 23 УПК РСФСР) и, таким образом, распространяя на него все предусмотренные для сторон правовые возможности, в первую очередь, в части судебного производства (ст. ст. 257, 287, 291, 303, 304, 307 УПК РСФСР). В более или менее привычном нам виде, предполагающем четкие основания и порядок признания лица потерпевшим, а также систематизированный набор основных процессуальных прав, данный статус был закреплен в ст. 24 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1958 г. и ст. 53 УПК РСФСР 1960 г.

Казалось бы, в результате столь длительной эволюции уголовно-процессуального статуса потерпевшего и сопутствующих научных исследований в национальной доктрине должно было давно сложиться четкое и однозначное понимание сущности данного участника уголовного судопроизводства. А вопрос о процессуальном предназначении потерпевшего в настоящее время должен предполагать простой и понятный ответ, находящийся прямо подтверждение в нормах действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ.

На первый взгляд, это действительно так, поскольку понятие потерпевшего, опирающееся на соответствующую законодательную дефиницию, можно найти в любом учебнике по уголовному процессу, не говоря уже о многочисленных монографических и иных научных публикациях [2, с. 5], [3, с. 11], [5, с. 59], [7, с. 95–96]. Так, согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевшим признается физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, либо юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

Однако при более углубленном погружении в данную проблематику становится очевидным, что ни содержащаяся в тексте закона легальная дефиниция, ни основанные на ней доктринальные позиции не предполагают однозначного ответа на поставленный выше вопрос – о сущности и предназначении потерпевшего в уголовном производстве. Ведь правовая гипотеза вышеупомянутой ч. 1 ст. 42 УПК РФ не столько разъясняет процессуальный смысл, побудивший ввести данный статус в предмет уголовно-процессуального регулирования, сколько содержит основания для признания лица потерпевшим, то есть пра-

вовую гипотезу, предопределяющую принятие органом предварительного расследования или судом соответствующего решения. Применительно к законодательной конструкции подобный подход представляется вполне разумным и приемлемым. Более того, он находится в явно выигрышном положении по отношению к некоторым другим нормам УПК РФ, регламентирующим участников уголовного судопроизводства, поскольку увязывает статус потерпевшего с четкими и понятными фактическими основаниями. Для сравнения достаточно вспомнить вообще не выдерживающие никакой критики легальные дефиниции подозреваемого или обвиняемого (ч. 1 ст. 46, ч. 1 ст. 47 УПК РФ), ставящие сущность указанных субъектов в формальную зависимость от издания органом дознания или следователем соответствующего правоприменительного акта (постановления о возбуждении уголовного дела, протокола задержания подозреваемого, постановления о привлечении в качестве обвиняемого и т. д.).

Однако данный подход абсолютно неприемлем для доктринального понимания сущности потерпевшего. Собственно говоря, именно оно и должно предопределять формирование соответствующих нормативных конструкций, а не наоборот, как это, к сожалению, происходит в настоящее время. Иными словами, не ученые должны пересказывать позицию законодателя, а законодателю надлежит при формировании такой позиции отталкиваться от выработанного в доктрине толкования той или иной правовой категории, в частности статуса потерпевшего.

Понимание сущности потерпевшего исключительно как пострадавшего субъекта, как лица, которому преступлением нанесен определенный ущерб, делает его объектом для сострадания и жалости со стороны государства, предполагает обязанность восстановить в отношении него социальную справедливость. Такой подход, безусловно, предоставляет ему вытекающее из ст. 52 Конституции РФ и нашедшее отражение в ч. 4 ст. 11 УПК РФ право на возмещение причиненного вреда. Но не более, ведь все указанные задачи вполне могут быть решены полномочными государственными органами и без его непосредственного участия; они сами по себе не требуют юридического введения его в уголовный процесс в качестве полноценного участника, не предопределяют возложения на него функций об-

винения и наделения его правами, предусмотренными ст. 42 УПК РФ, разве что за исключением права на возмещение имущественного вреда. И в этой связи следует еще раз напомнить, что существовавшие ранее (в частности до принятия Устава уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 г.) и вполне жизнеспособные для своего времени уголовно-юрисдикционные механизмы вообще не предполагали «фигурь» потерпевшего, что не мешало существовавшим в то время судебно-следственным органам обеспечивать возмещение пострадавшим лицам причиненного ущерба.

Представляется, что наделение лица полноценным статусом потерпевшего имеет совершенно другие задачи и обуславливается свойственной для современного правового государства и вытекающей из уже упомянутой ст. 52 Конституции РФ возможностью на доступ каждого человека к правосудию. Именно необходимость в доступе к правосудию, в наделении каждого заинтересованного субъекта таким комплексом прав, которые позволяли бы ему быть не пассивным наблюдателем, а активным участником уголовного судопроизводства, способным своими действиями влиять на ход и результаты расследования и судебного разбирательства, и обуславливает потребность во введении в сферу уголовно-процессуального регулирования особого юридического состояния – статуса потерпевшего. Поэтому законодатель справедливо относит данного участника к стороне обвинения, наделив его некоторыми правовыми возможностями, которые либо сопоставимы с отдельными полномочиями дознавателя, следователя, прокурора, либо в определенной мере противопоставлены правам подозреваемого и обвиняемого.

Кстати, весьма примечательно, что данный статус в его современном понимании возник именно на рубеже 1950–1960-х гг., то есть на волне проводимых в то время глобальных реформ, направленных на либерализацию и демократизацию судебного законодательства. Один из современников указанных преобразований, известный советский ученый-процессуалист Р.Д. Рахунов, положительно оценивая подобные реформы, писал, что прежние полномочия потерпевшего в известной мере обрекали его на пассивность [1, с. 238]. В свою очередь Д.П. Чекулаев отмечает, что имевшее место в описываемый

период расширение прав потерпевшего было связано с проходившими в стране политическими преобразованиями и попытками ввести в общественную жизнь и государственное управление элементы уважения к правам человека [4, с. 17–18].

И в этой связи разумным и закономерным является используемый законодателем подход, в соответствии с которым потерпевшему отводится не основанная, а как бы факультативная роль в реализации обвинительной функции. Наделение человека данным статусом имеет смысл лишь в тех ситуациях, когда преступление наряду с причинением вреда интересам всего общества и государства также посягает на какие-либо частные правоотношения, свойственные для жизнедеятельности отдельных физических и юридических лиц. В остальных случаях уголовное преследование носит исключительно публичный характер, осуществляется от имени государства органами предварительного расследования и прокуратуры, и поэтому в каких-либо альтернативных частноправовых механизмах не нуждается.

На основании вышеизложенного логично было бы предположить, что предусмотренные ст. 42 и некоторыми другими находящимися с ней нормами УПК РФ положения, определяющие статус потерпевшего, должны прямо вытекать из его предназначения как факультативного субъекта уголовного преследования. Кроме того, они должны заметно отличаться от положений, определяющих иных участников уголовного судопроизводства, имеющих иное предназначение. Но так ли это на самом деле? Думается, что нет!

Статус потерпевшего наряду с правомочиями по осуществлению уголовного преследования предполагает целый ряд дозволений и запретов, связанных с возможностью получения от него полезных сведений (показаний), имеющих значение для уголовного дела. В подобном контексте потерпевший воспринимается не как носитель обвинительной функции, не как факультативный «уголовный преследователь», а как заинтересованный свидетель. Подобно свидетелю, он вправе давать показания (в том числе на родном или ином языке) либо в установленных случаях воспользоваться свидетельским иммунитетом и, наоборот, не вправе уклоняться от явки по вызовам в органы предварительного расследования либо в суд, отказываться от дачи по-

Уголовно-процессуальное право и уголовный процесс

казаний, давать заведомо ложные показания и т. д. Очевидно, что все указанные положения не имеют никакого отношения к основному предназначению потерпевшего. Они вообще плохо согласовываются с реализацией функции обвинения (свидетель, как известно, относится к принципиально иной – «нефункциональной» группе участников уголовного судопроизводства) и зачастую определяют большие трудности в нормативном регулировании и практике осуществления соответствующих процессуальных механизмов, например, в части невозможности удаления потерпевшего из зала судебного заседания перед его допросом или предъявлением для опознания и т. д.

Конечно, общий смысл подобных законодательных конструкций вполне объясним и понятен. Будучи наделен правом на доступ к правосудию и вытекающими из него возможностями по участию в осуществлении уголовного преследования, потерпевший, одновременно является ценным источником полезных сведений, поскольку зачастую как никто другой осведомлен об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. Вместе с тем его прямая заинтересованность в исходе уголовного дела не может не обуславливать некоторых особенностей работы с данным лицом как с носителем доказательственной информации. Сам по себе этот нюанс представляется более чем очевидным и уже неоднократно описан в литературе и [5, с. 40], [6, с. 106].

Однако так ли уж существенны указанные особенности, что ради них законодатель фактически решает на создание нескольких автономных правовых режимов проведения в отношении потерпевшего следственных, судебных, иных процессуально-познаватель-

ных действий и формирования соответствующих доказательств? Настолько ли сильно сведения, получаемые от потерпевшего, отличаются от аналогичных сведений, получаемых от свидетеля, что требуют дифференциации процессуальной формы, например, регламентации отдельного вида показаний (ст. 78 УПК РФ), особого порядка судебного допроса (ст. 277 УПК РФ)?

Подобная дифференциация представляется явно излишней. А потенциальная заинтересованность потерпевшего в исходе уголовного дела никоим образом не связана с его процессуальным статусом как субъекта, обладающего правом на доступ к правосудию и участие в осуществлении уголовного преследования. В правоприменительной практике существует множество ситуаций, когда по понятным причинам тот или иной свидетель реально имеет ничуть не меньший, а иногда и гораздо больший интерес; встречаются и случаи, когда потерпевший вообще не проявляет к предварительному расследованию или судебному разбирательству никакого интереса и воспринимает предусмотренные законом обязанности как бессмысленное обременение*. Поэтому в рассматриваемом контексте заинтересованности определенных лиц в исходе уголовного дела следует придавать не столько формальное, сколько содержательное значение: она должна преимущественно влиять не на появление каких-то особых процессуальных режимов работы с потерпевшими, а на судебную-следственную проверку и оценку относимости, допустимости и достоверности формируемых доказательств. В идеале законодателю не стоило вводить в текст УПК РФ отдельные положения, касающиеся показаний потерпевшего и порядка их получения, а ограничиться упоминанием данного участ-

* К слову, в подобной ситуации однажды оказался и автор настоящей статьи. В ночь с 30 апреля на 1 мая 2008 г. неустановленные лица разбили стекло принадлежащего ему автомобиля Mitsubishi Pajero Sport, проникли в салон и тайно похитили оттуда пачку сигарет «Davidoff» и две пачки жевательной резинки «Orbit» (ничего более ценного в автомобиле не было). Понимая незначительность данного преступления и прекрасно осознавая реальные перспективы установления «злоумышленников» (по всей видимости, несовершеннолетних), он вообще не имел никакого желания обращаться с заявлением в правоохранительные органы. На этот шаг подвигло лишь то, что автомобиль был застрахован, и автор намеревался впоследствии обратиться в страховую компанию для замены разбитого стекла. В результате на основании его заявления в милицию было возбуждено уголовное дело, и потерпевшему пришлось несколько раз являться по вызову дознавателя для признания потерпевшим, допроса и выполнения других процессуальных формальностей. Конечно, ввиду понимания правового смысла всего происходящего автор не относился к участию в данном деле как к бессмысленному обременению и дисциплинированно посещал соответствующий орган дознания. Однако никакого реального интереса к случившемуся он, естественно, не испытывал и никакой активности в части реализации своих прав как потерпевшего не проявлял.

ника и регламентаций соответствующих специфических деталей внутри общих норм, посвященных работе со свидетелем (примерно так, как это установлено в части производства освидетельствования (ч. 1 ст. 179 УПК РФ)).

В настоящее время уже достаточно сложно понять, чем руководствовались авторы Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1958 г., а также УПК РСФСР 1960 г., когда разрабатывали подобную интегрированную модель статуса потерпевшего. Скорее всего ввиду новизны для того времени данных процессуальных положений они просто не уделили этому вопросу должного внимания, не смогли предвидеть практических сложностей, детерминированных предложенной правовой конструкцией. Сами по себе ст. 24 Основ и ст. 53 УПК РСФСР еще не вызывали никаких особых практических затруднений – автор настоящей статьи может контрастировать это с полной уверенностью, поскольку успел поработать в органах предварительного следствия ГУВД г. Москвы в период действия прежнего уголовно-процессуального законодательства.

Основные проблемы в этом сегменте уголовного судопроизводства начались в связи с принятием в 2001 г. нового УПК РФ, предполагающего возможность признания потерпевшими не только физических, но и юридических лиц. В принципе такая новация была вполне разумна, закономерна и ожидаема, поскольку в 90-е гг. ввиду приватизационных процессов и развития в России частного предпринимательства преступным посягательствам все чаще стал подвергаться негосударственный сектор экономики. Однако она в очередной раз демонстрирует бессистемность и непродуманность действующего Кодекса, так как никоим образом не согласовывается с нормами, предполагающими реализацию права потерпевшего давать показания. Ввиду понятных причин юридическое лицо в принципе не подлежит допросу; дознаватель, следователь или суд способны допросить лишь представителя юридического лица, показания которого зачастую не могут возыметь того познавательного значения, которое по смыслу закона присуще показаниям потерпевшего. В этой связи учеными уже неоднократно прилагались различные варианты решения данной проблемы: допрашивать в качестве потерпевшего лишь руководителя организации, допрашивать представителя организации в качестве свидетеля,

сохраняя за ним право на участие в уголовном деле в порядке ст. 45 УПК РФ и т. д. Достаточно подробный анализ соответствующих позиций изложен в монографии Т.И. Ширяевой, посвященной рассматриваемой проблематике [6, с. 106–109].

Однако, все эти точки зрения исходят из незыблемости все той же сформированной советскими учеными модели процессуального статуса потерпевшего, предполагающей интеграцию и переплетение правовых возможностей по участию в осуществлении уголовного преследования с дозволениями и запретами, связанными с получением показаний. Представляется, что при таком подходе любые предпринимаемые попытки усовершенствовать законодательство и (или) оптимизировать правоприменительную практику не возымеют никаких ощутимых результатов, поскольку (как уже отмечалось ранее) реализация лицом прав стороны обвинения и его участие в следственных, судебных либо иных процессуальных действиях как носителя доказательственной информации – это принципиально разные, имеющие различную правовую природу элементы уголовно-процессуальной деятельности. И в этой связи остается лишь отдать должное предусмотрительности авторов ГПК РФ и АПК РФ. В гражданском и арбитражном процессах допрашиваться (давать показания) могут лишь свидетели, тогда как стороны и третьи лица ограничены лишь правом давать объяснения.

С другой стороны, существует еще одна проблема, частично лишаящая предусмотренный ст. 42 УПК РФ статус потерпевшего процессуальной автономности, обуславливающая правовую неопределенность и вызывающая затруднения в следственно-судебной практике. Она сводится к невозможности четкого разграничения потерпевшего и другого родственного ему участника уголовного судопроизводства – гражданского истца. Согласно ч. 1 ст. 44 УПК РФ гражданским истцом является физическое или юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением. Причем по своему смыслу правовая гипотеза этой нормы мало чем отличается от выше-рассмотренной гипотезы, обуславливающей признание лица потерпевшем. Если внимательно проанализировать и сопоставить их

содержание, то имеющиеся различия существуют лишь на словах и выражаются не более чем в попытках законодателя по-разному определить по сути один и тот же правовой феномен. Подобный вывод предопределяется следующими аргументами:

1. Потерпевший – это лицо, которому причинен вред, а гражданский истец – лицо, предъявившее требование о возмещении вреда. Разница вроде бы есть, но сугубо формальная. Ранее уже отмечалось, что признание лица потерпевшим по смыслу закона обусловлено предоставлением ему права на доступ к правосудию в целях восстановления справедливости в части причиненного ему ущерба. Следовательно, если потерпевший не намерен активно участвовать в уголовном деле, пытаясь оказать сильное влияние на ход и результаты производства, то наделение его данным статусом превращается в пустую формальность. Иными словами, потерпевший лишь тогда станет не потенциальным, а именно реальным субъектом со стороны обвинения, когда возжелает отстаивать возникшие требования о возмещении ему вреда.

2. Права потерпевшего распространяются на все уголовное судопроизводство, а права гражданского истца по смыслу закона имеют силу лишь в части заявленного гражданского иска. Это различие также представляется мнимым, поскольку потерпевший, имея четкий и определенный субъективный интерес, направленный на восстановление социальной справедливости в части нанесенного ему ущерба, вряд ли станет реализовывать свои правомочия в отношении иных аспектов уголовного дела, например, установления обстоятельств, связанных с причинением вреда другим лицам, обстоятельств, не касающихся причинения вреда и т. д. Во всех подобных случаях его право на участие в уголовном преследовании, скорее всего, в очередной раз так и останется лишь потенциальным правом, реализация которого не будет иметь никакого смысла.

Здесь встречаются и весьма показательные в негативном смысле исключения. Они связаны с корыстным злоупотреблением правами потерпевших на доступ к правосудию. Чаще всего подобные ситуации имеют место при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел об экономических преступлениях и выражаются в активных действиях представителей потерпевших – юридических лиц, направленных на извлечение из уголовных дел максимальных финансовых либо иных материальных выгод. Особую

опасность подобные формы поведения приобретают в случае так называемых «заказных» уголовных дел либо уголовных дел, неразрывно связанных с обстоятельствами, являющимися предметом параллельно идущих гражданских или арбитражных процессов.

3. Исходя из дословного толкования ч. 1 ст. 44 УПК РФ, мы видим, что гражданский истец в отличие от потерпевшего не имеет права на возмещение причиненного физического вреда. Однако подобный подход представляется явно зауженным и полностью не отражает сути и смысла института гражданского иска. Особую актуальность данная проблема возымела в последние годы, охарактеризовавшиеся коммерциализацией медицинских услуг, ростом цен на медикаменты и другими факторами, вызывающими потребность в компенсации не только имущественного и морального, но и физического вреда.

Таким образом, какой-либо ощутимой разницы между потерпевшим и гражданским истцом просто не существует, а предпринимаемое законодателем разграничение правовых статусов этих участников уголовного судопроизводства носит достаточно условный и неопределенный характер.

Предусмотренная УПК РФ возможность признания потерпевшим юридического лица полностью лишило указанную судебно-следственную практику законодательной основы. Поэтому в настоящее время распространение получила иная прикладная технология, которая заключается в одновременном признании пострадавшего от преступления лица и потерпевшим, и гражданским истцом. В принципе подобный подход встречался и ранее, например, в отдельных случаях, связанных с причинением материального ущерба только физическим лицам. Но в отличие от сегодняшней практики, обусловленной отсутствием каких-то принципиальных различий между потерпевшим и гражданским истцом, он не имел всеобщего распространения. Более того, данный подход уже получил легальное подтверждение на уровне официального толкования УПК РФ. Так, в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» отмечается, что «потерпевший, предъявивший требование о возмещении имущественного вреда, а также о компенсации причиненного преступлением морального вреда, должен быть признан гражданским истцом».

Вполне очевидно, что основной смысл в использовании данной практической технологии – своеобразная правоприменительная подстраховка, вытекающая из вышеупомянутой неопределенности в вопросах разграничения потерпевшего и гражданского истца. Логика очень проста: лучше переработать, то есть одновременно наделить лицо двумя процессуальными статусами, чем недоработать, и в дальнейшем навлечь на себя неприятности. Однако с сугубо правовых позиций такая технология абсолютно бессмысленна. Зачем признавать лицо гражданским истцом, повторно наделяя его теми же правами, которые он уже имеет как потерпевший? А то, что эти права практически идентичны, легко можно понять, сопоставив ч. 4 ст. 42 с ч. 4 ст. 44 УПК РФ. Гражданский истец даже имеет право давать показания, хотя смысл и порядок реализации этого дозволения остается не совсем понятным. Анализируя указанные проблемы, Д.В. Шаров предлагает вообще исключить гражданского истца из системы уголовно-процессуального регулирования, полностью переложив бремя поддержания указанных требований на потерпевшего [5, с. 26].

Итак, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что современный уголовно-процессуальный статус потерпевшего представляет собой сложную и проти-

воречивую правовую конструкцию, обусловленную переплетением юридических возможностей, имеющих принципиально разную природу – правомочий по осуществлению уголовного преследования и прав человека как потенциального носителя доказательственной информации. Фактически сегодняшний потерпевший является процессуальным гибридом свидетеля и гражданского истца, что обуславливает правовую неопределенность и вызывает трудности в правоприменительной деятельности.

Конечно, автор настоящей статьи не предлагает каких-то кардинальных изменений, не намеревается устраивать процессуальной революции, полностью исключив статус потерпевшего из системы уголовно-процессуального регулирования и т. д. В конце концов, статус потерпевшего – это достаточно традиционная и устоявшаяся категория, отказ от которой причинит больше вреда, чем принесет пользы. Поэтому настоящая статья была написана несколько с иным замыслом – обратить внимание законодателя, ученых, практиков на существующие противоречия, в очередной раз заставить задуматься о проблемах, возникающих в данном сегменте уголовно-процессуального регулирования, в целях их постепенного устранения и оптимизации судебно-следственной практики.

Литература

1. Рахунув Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961.
2. Савицкий В.М., Потеружа И.И. Потерпевший в советском уголовном процессе. М., 1963.
3. Синенко С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.
4. Чекулаев Д.П. Потерпевший: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба. М., 2006.
5. Шаров Д.В. Обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве. М., 2006.
6. Ширяева Т.И. Юридическое лицо как потерпевший: теоретические проблемы участия в уголовном судопроизводстве. Волгоград, 2010.
7. Шпилев В.Н. Участники уголовного процесса. Минск, 1970.

Bibliography

1. Rakhunov R.D. Participants in criminal procedural activities. M., 1961.
2. Savitsky V.M., Poteruzha I.I. Victim in the Soviet criminal trial. M., 1963.
3. Sinenko S.A. Ensuring the rights and legitimate interests of the victim in criminal proceedings: theoretical, legislative and law enforcement problems: author's abstract. ... PhD in law. M., 2014.
4. Chekulaev D.P. Victim: access to justice and compensation for damage caused. M., 2006.
5. Sharov D.V. Ensuring the rights of the victim in pre-trial proceedings. M., 2006.
6. Shiryayeva T.I. A legal entity as a victim: theoretical problems of participation in criminal proceedings. Volgograd, 2010.
7. Shpilev V.N. Participants in the criminal process. Minsk, 1970.